

Ницшеанские стратегии экспериментального мышления

Научный руководитель – Ханова Полина Андреевна

Журавлев Михаил Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: michelvermichelsky@gmail.com

Йоэль Реев называет 1989 год временем изменения фундаментального настроения философии [8]. Одно из событий, его знаменующих, - выход «Манифеста философии» Бадью [2]. Примечательно, что жест учреждения полнокровной философии сопряжен у Бадью с необходимостью каким-то образом отделаться от восходящей к Адорно [1] навязчивой апокалиптической темы тотальной культурной травмы, нанесенной нацизмом. Решение Бадью состоит в переопределении статуса события нацизма: прекращая рассматриваться в качестве события собственно философской мысли, нацизм лишается возможности терроризировать философию, вжимая ее в позу виновной стагнации. Так философия может покинуть территорию неразрешимости, задающей, с одной стороны, обязательством осмысления ужаснейшей исторической трагедии, а с другой, неспособностью выполнить это обязательство. При этом Бадью полагает, что императив, который философия ошибочно принимает на свой счет, занимает внешнее положение по отношению к историческому эпизоду нацизма, рассматривая обязательство философии как декадансное следствие события тотального разрыва или как шарахающуюся от него беззубую реакцию. Этот жест, хотя он и воплощает стремление порвать с выражающим теоретическую несостоятельность нигилизмом в философии, не позволяет поставить вопрос о релевантности самой фигуры разрыва, которая располагается теперь внутри мысли о трагической генеалогии современности, играя роль экстериторности травмы её рождения. Интервенция Ника Ланда [5] позволяет нивелировать теоретические последствия такого упущения, отбросив как несостоятельную дилемму виноватого самобичевания и пассивного забвения, которая сохраняется у Бадью. Его предположение состоит в том, что императив, обосновывающий секулярную мораль, принадлежит тому же порядку политического террора, что и сам нацизм. На изнанке формальной автономии, предполагаемой кантовским императивом, Ланд обнаруживает «политику чистого усилия» как исходный пункт последнего, политику, которая в доведенном до совершенства виде была реализована в нацизме. Извлекая крайние выводы из программы нападения на фиктивные детерриторизации Делеза и Гваттари [4], Ланд заключает, что «нацизм есть сама мораль» как суицидальная политика императива, вращающегося в пустоте. Эта гипотеза может вызвать недоверие, если соотнести её с возможной причастностью имморалиста Ницше к нацистской пропаганде, поскольку стоящий за подобными домыслами строй мысли навязывает восприятие исторического эпизода национал-социализма в качестве свидетельства крушения бастиона морали, якобы инициированного экспериментированием по ту сторону добра и зла. В попытке снять этот вопрос существуют две опции: расплываться при одном упоминании возможности увязать Ницше с нацизмом, раздраженно высмеивать пошлость, предполагаемую подобной мыслью, или же интерпретировать расистские высказывания Ницше в качестве предрассудков, некритически заимствованных у своей эпохи. Первая позиция представлена Батаем в качестве гневной реакции на разворачивающуюся на его глазах попытку присвоения Ницше нацистами [3]. Не будучи обделенной теоретической строгостью, она, тем не менее, всецело погружена в противостояние подобным злоупотреблениям

и в своей бескомпромиссности остается однобокой. Одной из примечательных современных артикуляций второго взгляда является книга Роберто Эспозито «Биос: биополитика и философия» [7], вызывающая интерес тем, что она вписывает свою интерпретацию Ницше в ту повестку, которая обозначается её автором как вопрос мышления «после нацизма» (что само по себе указывает на то, что колебания между пассивным забвением и виноватой меланхолией остаются одной из навязчивых проблем современной философии). Обращая внимание на ницшевскую риторику очищения здоровых тел от паразитирующей на них болезни, Эспозито, тем не менее, снимает проблему чересчур поспешно, тем самым лишая её настоятельности. Противостояние исторической динамике, дошедшей до пароксизма в нацизме, полагается в качестве базового полемического ядра философии Ницше, тогда как расистские мотивы лишь затрагивают её извне и поэтому сами должны стать объектом просветительского вычищения. Напротив, можно предположить, что мания чистоты, граничащая с паранойей, и инициированная Ницше политика Великого здоровья, превращающая мышление в стратегию эксперимента [6], находятся во внутренних отношениях притяжения/отталкивания и выражают конфликт, лишь повернувшийся в нацизме своей обратной стороной. В связи с этим возникает необходимость развенчать соблазн, выраженный в дизъюнкции ницшеанской философии и блокады морального краха, поскольку идея эксперимента изнутри прорабатывает навязчивость императива, избавляя мысль от необходимости быть производной политики памяти.

Источники и литература

- 1) Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- 2) Бадью А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003.
- 3) Батай Ж. О Ницше. М: Культурная революция, 2010.
- 4) Делез Ж, Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург.: У-Фактория, 2007.
- 5) Ланд Н. Дух и зубы. Пермь: Гиле Пресс, 2020.
- 6) Ницше Ф. Веселая наука// Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т.3 Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука. М.: Культурная революция, 2014
- 7) Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Minnesota University Press. 2008.
- 8) Й.Регев: Делез и спекулятивный реализм. <https://www.youtube.com/watch?v=K4rtkwZk4Ds&t=2876s>